

Когда Чжу Ли и Лю Чуйсуй вернулись в гостиницу, глухая полночь давно миновала. В городке спали рано; сонный трактирный слуга, отпиривший им двери, едва продрал глаза и жутко злился.

Только устроив Лю Чуйсуй, Чжу Ли смог прилечь сам. Сон не шёл. Весь остаток ночи его преследовали беспокойные видения: то мерещились длинные, костлявые пальцы У Сана, мертвой хваткой вцепившиеся в его лодыжку, то лукавый, зовущий взгляд Лин Ци из Терема Упоения Радостью, что у Моста Алых Губ в Сюйчжоу; то вдруг перед глазами вставал насмерть перепуганный Лю Чуйсуй — тот всё пытался прижаться к нему, и Чжу Ли никак не мог его оттолкнуть.

Промучившись до самого рассвета, Чжу Ли поднялся совершенно разбитым. Голова гудела, всё тело ломило, точно после жестокой сечи. Бодрствовать было невыносимо, уснуть — невозможно. В конце концов он решил выйти на свежий воздух, но стоило сделать движение, как раненая нога отзывалась острой болью. Сстиснув зубы, он долго приноравливался, прежде чем решился перенести на неё вес.

Он хотел взять Лю Чуйсуй с собой, чтобы расспросить местных, но сколько ни стучал в его комнату, тот так и не поднялся.

И то верно: после долгих дней изнурительной дороги и вчерашней ночной жути даже сам Чжу Ли чувствовал себя измотанным, что уж говорить об изнеженном Лю Чуйсуйе, которого дома пылинкам сесть не давали.

Оставив приятеля отсыпаться, Чжу Ли вновь отправился к пепелищу усадьбы Ло. При свете дня разрушения предстали во всей полноте: от бывшего величия осталась лишь груда обугленных развалин. Он обошёл двор и, опасаясь напугать У Сана, негромко назвал себя возле их вчерашнего ночлега. Ответом ему была лишь мертвая тишина.

Беглеца и след простыл. Осмотревшись, Чжу Ли не нашёл никаких зацепок, а расспросить было некого — поблизости никто не жил. Пришлось уходить ни с чем.

Сперва он подумывал заглянуть и на развалины дома Ян, но солнце уже поднялось к зениту. Беспокойство за Лю Чуйсуй взяло верх, и Чжу Ли повернул обратно к постоялому двору.

Юноша всё ещё спал. На стук из-за двери доносилось лишь невнятное бормотание. Почуввав неладное, Чжу Ли позвал трактирного слугу, и они вместе взломали задвижку.

Стояло нещадное пекло, но Лю Чуйсуй спал, с головой укутавшись в одеяло. Выглядел он ужасно: лицо осунулось, губы спеклись и покрылись сухой коркой. На зов он не откликнулся.

По лихорадочному румянцу на щеках Чжу Ли сразу всё понял. Он коснулся лба юноши — тот так и пылал.

— Срочно позови лекаря! — бросил он слуге и принялся бережно тормошить больного. — Чуйсуй, очнись. Как ты себя чувствуешь?

Лю Чуйсуй приоткрыл воспалённые глаза. Несколько мгновений он тупо смотрел на Чжу Ли, прежде чем прийти в себя, и хрипло выдавил:

— Брат Чжу...

Чжу Ли велел принести холодной воды и бережно обтёр ему лицо.

— Потерпи немного. Лекарь уже в пути.

Юноша слабо прикрыл веки, на которых заблестели слёзы.

— Брат Чжу, мне так плохо... Хочу домой.

Чжу Ли ещё не разузнал всего, что планировал, и уезжать несолоно хлебавши ему очень не хотелось. Однако занедуживший Лю Чуйсуй сделался капризнее трёхлетнего ребёнка: целебный отвар пить наотрез отказывался, а к вечеру мёртвой хваткой вцепился в рукав Чжу Ли и в слезах умолял отвезти его обратно.

Делать было нечего — больной требовал заботы. Чжу Ли велел нанять повозку, расплатился за постой, забрал приготовленные лекарем снадобья и, укутав Лю Чуйсю, устроил его в экипаже. Мачеха-дорога повела их назад, в Чэнчжоу.

Если ехать из Лицуй всю ночь без остановки, к рассвету как раз можно добраться до города. Возница поначалу опасался гнать впотьмах, но подгоняемый нетерпеливым Чжу Ли пустил коней вскачь. Фонарь на передке повозки бешено качался, выхватывая из темноты колеи дорожной пыли.

Утомлённый жаром Лю Чуйсуй забылся тяжёлым сном, положив голову на колени спутнику. Чжу Ли же от непрерывной тряски чувствовал себя так, точно из него вынимали душу, но приходилось терпеть. Укушенный У Саном сустав уже не резало острой болью, но рана то и дело заходила тупой, изнуряющей пульсацией.

Глубокой ночью Чжу Ли подпёр подбородок рукой и задремал под монотонный стук колёс. Но едва его сознание уплыло в сон, снаружи раздался истошный вопль возницы. Экипаж резко подбросило. Чжу Ли мгновенно распахнул глаза; Лю Чуйсуй же лишь что-то недовольно пробормотал во сне и повернулся на другой бок.

— Да ты что твори... — крик возницы оборвался на полуслове. Послышался глухой удар, а затем испуганное ржание коней.

Осторожно сдвинув спящего юношу с колен, Чжу Ли перехватил рукоять меча и рванул на себя кожаный полог.

Луна как раз скрылась за тучами, погрузив дорогу во мрак. Сиденье козлов пустовало — возницы и след простыл. Зато в тусклом полумраке Чжу Ли разглядел силуэт: неизвестный взмахом клинка перерубил упряжь, собираясь вскочить на одну из высвобожденных лошадей и скрыться.

Дерзкий конокрад!

Лишившись правого жоака, коляска накренилась и опасно вильнула к обочине. Чжу Ли рванулся вперёд, перехватил уцелевшие поводья, осаживая испуганную кобылу, и резко пнул ногой дышло, заставляя экипаж замереть на месте. Сам же он мощным толчком вылетел наружу. Меч со свистом покинул ножны, целясь остриём прямо в спину грабителю.

Клинок уже летел к цели, когда из-за туч вынырнула луна. Холодный свет залил дорогу, и Чжу Ли так и замер с занесённым оружием. Тонкий, высокий силуэт в седле принадлежал не кому иному, как У Сану.

Поняв, в кого целится, Чжу Ли резким движением вывернул кисть, уводя остриё в сторону. Оттолкнувшись ногой от крупа лошади, он взмыл в воздух, сделал кувырок и приземлился точно перед мордой коня, преграждая путь.

У Сан явно не ожидал такого отпора. Он резко натянул поводья: конь взвился на дыбы, истошно заржал и замер как вкопанный всего в шаге от Чжу Ли.

Обычно мягкий и улыбчивый Чжу Ли сейчас смотрел сурово.

— Ты убил возницу? — спросил он ледяным тоном.

У Сан бросил быстрый взгляд назад — то ли на карету, то ли проверяя, нет ли за ним погони.

— Жив он. Просто спит.

— Да как ты... — Чжу Ли даже растерялся от такой невозмутимости. Читать нравоучения он никогда не умел.

Не делая попыток слезть, У Сан смерил его взглядом.

— Не знал, что это ваша повозка, — сухо бросил он и покосился вниз. — Нога-то как? Прошла?

Чжу Ли невольно опустил глаза.

— Нога?..

Он осекся. Нашёл время обсуждать ранения! Опомнившись, Чжу Ли вновь напустил на себя строгий вид:

— Да если бы и чужая! Разве можно среди бела дня... то есть ночи, грабить честных людей?

Впрочем, едва договорив, он сам устыдился своей наивности. Человек спасает свою шкуру, бежит от погони — до законов ли ему? У Сан посмотрел на него со странной смесью удивления и жалости.

— Ладно... Хм. Мы держим путь в Чэнчжоу. Если тебе по дороге, можем подвезти.

Юноша медленно опустил веки. Должно быть, он счёл Чжу Ли умалишённым. Да и сам Чжу Ли чувствовал себя полным дураком. Он с досадой потёр пальцами висок:

— Эх, да что с тобой говорить...

— Мне в Чэнчжоу нельзя, — отрезал У Сан. — Лошадь я забираю. Считаю, одолжил. Прощай!

Он сжал бока коня каблуками, и тот вихрем промчался мимо Чжу Ли, мгновенно растворившись в ночной тишине.

— Постой!..

Куда там. Чжу Ли остался стоять посреди пустынной дороги, ошарашенно глядя вслед беглецу. «Одолжил» он! Да это же чистой воды разбой!

На душе у Чжу Ли было скверно. Он вернулся назад и отыскал возницу, который по-прежнему лежал навзничь в придорожной траве. Приведя несчастного в чувство, Чжу Ли помог ему перепрячь единственную уцелевшую лошадь по центру оглобелей, после чего они уныло продолжили свой путь.

В Чэнчжоу они въехали лишь на рассвете. Едва повозка остановилась у ворот поместья Лю, слуга на входе увидел, как Чжу Ли бережно выносит на руках ослабевшего молодого господина. Побледнев от страха, привратник вихрем умчался в дом. Не прошло и минуты, как наружу высыпали встревоженный глава семьи Лю Чэн с супругой, госпожой Чжан, дочь Лю Мянь и целая толпа челяди.

В усадьбе поднялся переполох. Пол дня вокруг Лю Чуйсюя хлопотали домашние, спешно вызвали лекаря. Тот осмотрел больного и подтвердил слова своего коллеги из Лицью: обычный лихорадочный жар от переутомления, ничего угрожающего жизни нет.

Оказавшись в родных стенах, юноша сразу повеселел, и хворь его как будто отступила. Полулёжа в постели, он всю капризничал и жаловался матери на тяготы пути, требуя к себе повышенного внимания. Лю Чэн, которому сегодня тоже стало чуточку легче, хоть и не суеился у постели сына, из комнаты не уходил, напряжённо и с явной тревогой наблюдая за наследником.

И лишь Лю Мян, проведая брата, тихонько подошла к Чжу Ли.

— Чж... Чж... Чжу... ох! — Она снова запнулась на полуслове, но на сей раз не убежала в смущении, а устояла в пол и, собрав все силы, упрямо продолжила: — Я... я ви-видела... Твоя но-нога...

На душе у Чжу Ли потеплело. Он ласково улыбнулся девушке, не поднимавшей глаз:

— Всё в порядке, Мян-эр. Обычная царапина.

Лицо Лю Мян вспыхло пуще, чем у её лихорадящего брата. Она уткнулась подбородком в грудь:

— Я... я хо-хотела... по-по-по... ох!

Поняв, что нужные слова никак не даются её непослушному языку, она лишь обречённо вздохнула. Она явно порывалась предложить ему помощь и обработать рану.

Чжу Ли по-дружески коснулся её макушки:

— С такой ерундой я и сам справлюсь, не переживай.

Девушка забавно вжала голову в плечи.

— Спасибо тебе, — искренне добавил Чжу Ли. На чужбине, в гостях у малознакомых людей, эта бесхитростная забота немого девичьего сердца тронула его до глубины души.

Смутившись ещё сильнее от его проникновенного тона, Лю Мян замахала руками:

— Не за что! — На этот раз слово вылетело без единой запинки. Девушка шумно выдохнула, довольная своей маленькой победой.

Чжу Ли терпеливо переждал, пока Лю Чуйсюй исчерпает весь запас жалоб и капризов. Заметив, что глава семейства не торопится уходить, он рассудил, что момент для разговора вполне подходящий.

— Господин Лю, вы упоминали, что сошлись с семейством Ян по воле случая. Позвольте спросить, как именно вы познакомились?

Лю Чэн тяжело вздохнул и задумчиво прикрыл глаза, погружаясь в воспоминания:

— Нас свёл сам дождь... Проливной ливень в день поминовения усопших. Мой род издавна осел в Чэнчжоу, и наше фамильное кладбище находится на Горе Тёмных Бровей. Так случилось, что и брат Ян обустроил кенотаф для безвременно ушедших Ло на той же горе. В тот злополучный праздник Цинмин разразилась жуткая гроза. Я поднимался к могилам предков вместе с женой и детьми. На обратном пути супруга оступилась на размокшей тропе и покатила по крутому склону вниз. Эх, Мян-эр тогда была совсем крохой. Я держал её одной рукой, другой крепко сжимал ладонь Чуйсюя и физически не мог броситься на помощь жене. А склон внизу обрывался над грудой острых валунов. Окажись она там — случилось бы непоправимое... К счастью, брат Ян в тот момент находился у подножия. Услышав крик и грохот, он не растерялся и вовремя перехватил мою супругу.

Лицо Лю Чэна разгладилось, в глазах мелькнула былая признательность.

— Супруга моя, хоть и избежала страшных увечий, сильно подвернула ногу и ступить на неё не могла. Слуги ждали у подножия холма, и я остался один на один с бедой: на руках двое перепуганных детей и раненая жена. Брат Ян проявил благородство — присмотрел за малышами, пока я нёс жену на спине до самой дороги. Так мы и сблизились.

У Чжу Ли внутри всё похолодело, но он ни единым жестом не выдал своего волнения.

— Вот оно как... — протянул он. — За долгие годы дружбы не замечали ли вы за покойным братом Яном каких-либо странностей? К примеру, не хранил ли он у себя редких свитков или зашифрованных книг?

— Да нет, пожалуй... — Лю Чэн на мгновение задумался. — Разве что его страсть к разгадыванию всяческих шифров и головоломок. В нашей семье, помимо владения мечом, также издавна увлекались математикой и тайными письменами, так что нам всегда было о чём поговорить. Но всё это не выходило за рамки обычных досужих бесед.

Чжу Ли вспомнил слова старейшины Ци из Мойна.

— А как насчёт боевых искусств? Не владел ли Ян Синтянь легендарными техниками?

Лю Чэн снисходительно усмехнулся:

— Семья Ян, бесспорно, принадлежала к сословию мастеров клинка. Их фамильное наследие — Свиток Меча Непостижимой Высоты. Но назвать его великой тайной или редким сокровищем у меня язык не повернётся. Весьма заурядная техника.

— Вот именно! — подал голос с постели Лю Чуйсуй. — Фехтование дяди Яна было самым обыкновенным. Его свиток и близко не стоял рядом с достойными техниками... — Тут он замялся и нерешительно добавил: — Хотя...

— Молчи! — оборвал его отец. — Кто-то упражняется с клинком ради здоровья, а не для бахвальства и пустых драк. Много ты смыслишь!

Юноша обиженно надулся и потянул мать за рукав:

— Матушка, посмотри, отец опять на меня кричит.

Госпожа Чжан с мягкой улыбкой потрепала сына по щеке:

— Стоило приболеть, как у меня снова трёхлетний ребёнок на руках! Поделом тебе — нечего непочтительно отзываться о старших за их спинами.

— Да я вовсе не о том! — заупрямился Лю Чуйсуй. — Я хотел сказать, что свиток дяди Яна, возможно, таит в себе грозную силу. Просто сам дядя Ян тренировался как-то неправильно.

Лю Чэн нахмурился:

— Опять твои глупые выдумки!

— Вовсе не выдумки, отец, — тихо пробормотал юноша. — Вспомни утро, когда мы обнаружили тела в поместье Ян. На теле дяди Яна была всего одна рана — страшный глубокий разрез, шедший от низа живота наискось вверх, прямо к шее, где и была перерезана глотка...

Заметив, как побледнел и осунулся отец от этих жутких подробностей, Лю Чуйсуй поспешно понизил голос.

После той страшной резни Лю Чэн пребывал в таком потрясении, что гнал от себя любые воспоминания о деталях трагедии. И лишь теперь, поддавшись словам сына, он заставил себя мысленно вернуться в залитый кровью зал. Обезображенное ужасом лицо мёртвого друга вновь встало перед глазами. Да, на его теле действительно виднелся лишь один-единственный след от клинка.

Преодолев дрожь, Лю Чэн спросил:

— И что с того? Что примечательного в этой ране?

Напуганный мрачным видом отца, Лю Чуйсуй заговорил куда осторожнее:

— Мне однажды довелось мельком увидеть их семейный свиток...

— Ты посмел запустить лапу в чужие секреты?! — Голос Лю Чэна так и зазвенел от гнева. В мире боевых искусств чужие свитки — табу. Никто не имеет права посягать на сокровенное знание чужого рода, если только его не передал сам патриарх или наставник.

— Да братья Ян сами мне его показали! — поспешно оправдался юноша. — Я уловил всего пару приёмов. Но помню, что одна из техник предписывала отклониться назад и нанести восходящий удар снизу вверх...

Лю Чэн подался вперёд, впившись в сына взглядом:

— Ты уверен?

Если всё так, выходило, что главу рода Ян могли лишиться жизни его собственной семейной техникой!

Лю Чуйсуй замялся и мотнул головой:

— Я ведь видел самую малость, ручаться не могу... К тому же мы с сыновьями дяди Яна не раз скрещивали мечи, и они этот приём никогда не применяли. Да и посуди сам: если удар нанесли согласно свитку, то убийца должен быть левшой. Но техника Ян слишком проста — как можно с её помощью бесшумно вырезать целую усадьбу? Вот я и помалкивал...

Лю Чэн в сердцах покачал головой:

— О глупец! О таком нужно было кричать сразу!

Увидев, что отец окончательно разъярился, Лю Чуйсуй поспешно вжался в подушки, прячась за широкую спину матери.

Чжу Ли нахмурился, анализируя услышанное:

— Господин Лю, вы дружили столькие годы, но совершенно не интересовались их боевым стилем?

Лю Чэн тяжело вздохнул:

— Мы с братом Яном вели беседы о каллиграфии, поэзии, разгадывали шифры, играли в го — говорили обо всём на свете, кроме ратного ремесла. Кто же мог помыслить, что всё обернётся такой трагедией... Эх!

<http://bllate.org/book/20387/2131665>